

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ДОЖДЬ

Луна умерла, и волк крался по полю, усеянному мертвыми телами, невидимый в крошечной тьме под дождем.

Ливень начался с наступлением темноты, когда закончилась битва. Крови было так много, что Христос не выдержал, говорили победившие греки, и решил смыть ее.

Волк прокрался между телами мертвых и умирающих, мимо небольших островков света — насквозь промокших палаток, в которых люди пестовали огоньки ламп и свечей. Но и палатки казались всего лишь размытыми пятнами в темноте, призраками, порожденными дождем.

Мальчик по имени Змееглаз выглянул из палатки императора, чтобы понять, не намечается ли в тучах просвет. Будь на небе луна, можно было бы выйти на поиски добычи, однако ее тонкий серп исчез накануне вечером, когда собрались тучи. За темной завесой дождя мальчик ничего не видел дальше круга света от стоявших у него за спиной ламп.

Крошечная тьма — не помеха для мародера. Однако земля превратилась в топь, и некоторые раненые представляли собой опасность. Так зачем же искать бесславной смерти от ножа какого-нибудь из этих недобитых мятежников, норманна или араба? Если уж суждено погибнуть, то лучше, чтобы это произошло на глазах своих товарищей, которые отдадут должное твоему мужеству.

Змееглаз частенько мечтал о славной смерти: он окружен толпой врагов, копья блестят под негреющим солнцем, мечи описывают в воздухе сверкающие багровые дуги, и сам он

с восторгом сеет смерть и хладнокровно встречает свою гибель.

«Двадцать врагов противостояли ему, и двадцать отправились впереди него к праотцам, чтобы приветствовать его за пиршественным столом в чертогах Всеобщего Отца». Вот так однажды будут рассказывать о нем скальды.

Он никогда не боялся умереть и считал главной доблестью уйти красиво, чтобы жить вечно в песнях сородичей, которые те поют у походного костра или на рыночной площади, однако рисковать собой просто так он не собирался. Поэтому пока что он спокойно посидит за рвом, окружающим лагерь, а обшаривать вещевой обоз и мертвые тела начнет на рассвете, вместе с воронами. После чего со своей добычей войдет в Абидос, чтобы посмотреть, как благодарный город распахнет ворота воинам, снявшим с него осаду. И тогда его ждут всевозможные удовольствия, доступные освободителям, в том числе и созерцание посаженных на кол зачинщиков мятежа.

Дождь хлестал с такой силой, что о том, чтобы зажечь лампу или развести костер снаружи, не могло быть и речи. Народ сидел, съезжившись в промокших палатках (у кого были палатки), и дожидался рассвета. В летнее время почти все войско ночевало под открытым небом. И когда обрушился ливень, сумасшедший, холодный, колючий и вовсе не по сезону, солдаты забились во все возможные укрытия, стараясь устроиться на ночлег до наступления кромешной тьмы. Те, кому не посчастливилось найти убежище, остались дрожать и топтаться в лысых кустах, греясь друг о друга в чернильной темноте.

Боевые лошади жалобно ржали в страхе перед непогодой, а воины пели в ночи, стараясь хоть немного взбодриться. Змееглаз слышал песни русских воинов о том, как князь Олег победил в битве за Киев. Он слышал греков, которые называли себя ромеями и пели о том, как Константинополь сделался величайшим городом в мире. И он слышал те песни,

какие любил больше других, — старинные песни северян, винов-викингов, его сородичей. Песни о героях, драконах и битвах с несметными полчищами врагов. Он понимал все языки. Ему приходилось торговать на рынках в Бирке и Скании, и умение говорить с людьми на их родном языке приносило доход.

Сквозь шум дождя он слышал не только пение. Люди и животные до сих пор умирали, и их крики тоже были для Змееглаза подобием музыки. Эта музыка наполняла его физической радостью, вскипающей пузырьками по всему телу.

— Что, мальчик, не прояснилось?

— Нет, господин.

— Я так и думал. Возвращайся. Я хочу с тобой поговорить.

Змееглаз отвернулся от часового из отряда императорских стражников, хитаерос, который сидел под сочащимся влагой пологом при входе и дрожал, несмотря на три плаща.

Император остался один — военный совет, на котором обсуждались события дня, наконец-то закончился. Он жестом велел Змееглазу устроиться у небольшой, покрытой орнаментом жаровни. Мальчик сел и с интересом стал рассматривать жаровню. Когда в ней горел огонь, то возникало впечатление, что маленькие ящерицы, которыми была украшена чаша, извиваются в пламени, чернея на фоне раскаленных углей.

У ног императора лежало нечто не менее любопытное, в чем с трудом узнавалась человеческая голова. Однако Змееглаз знал, что это такое — голова мятежника Фоки (мятежник упал с лошади и был растоптан собственной кавалерией). Мальчик был рядом, когда Болли Болисон, прославленный викинг, нашел тело и отсек голову.

Император заморгал, когда с угла палатки скатилась капля и попала ему в глаз.

— Сегодня ты сослужил нам добрую службу, переводя мои приказы. Ты варяг, однако говоришь по-гречески словно истинный ромей. Как ты научился нашему языку?

— Я старался, господин. Я уже бывал с отцом в этих краях, мы продавали пушнину, и твои соотечественники приходили к нам на рынок.

— Ты прекрасно говоришь.

— Мне легко даются любые языки, господин. Я могу запросто объясниться даже с арабами, ну, хотя бы поторговаться.

— В таком случае ты можешь быть нам полезен. Наверное, надо бы тебя оскопить, чтобы ты мог повсюду сопровождать меня.

Мальчик побледнел.

— Не смотри так испуганно. Многие бедняки достигали таким способом огромных высот. Моим двором в Константинополе, пока я на войне, управляет начальник священных покоев, евнух, причем вовсе не из благородной семьи. Неужели ты думаешь, что он мог бы добиться такого положения, если бы не лишился чего-то? Разумеется, нет. Ему было бы не позволено приближаться к порфирородным особам¹.

Мальчик снова промолчал.

— Не бойся, я не стану отдавать приказ против твоей воли, однако подумай как следует. Сегодня в сражении ты вел себя достойно. Тебе было бы весьма выгодно и дальше оставаться при мне. И цена вовсе не так велика. Ты ведь еще даже не мужчина, это видно по твоему лицу.

— Я мужчина, господин.

— Прислушайся к собственному голосу. Посмотри на свой гладкий подбородок. Я Римский император, мальчик, я повидал достаточно евнухов, многих приказывал оскопить, потому понимаю разницу между мальчиком и женщиной. Нельзя потерять то, чего у тебя нет. Как тебя зовут?

¹ Багрянородный, Порфирородный — эпитеты, употреблявшиеся в отношении детей византийского императора обоюбого пола, рожденных во время его правления. Эти дети обладали несомненным правом на императорский престол. (Примеч. ред.)

— Змееглаз.

— Почему?

Мальчик указал на свой левый глаз. Император придвинулся к нему. Змееглаз широко распахнул глаза, и император присмотрелся. Зрачок был окружен темным кольцом — какой-то дефект радужки.

— В самом деле похоже на змею, — признал император. — И что она означает?

— Смерть, — ответил Змееглаз, — то есть, так говорила моя мать.

Император поджал губы, слегка испуганный.

— Я всегда обращаю внимание на подобные знаки. Это очень важная отметина, она от Бога.

— У нас считают, что это изображение мирового змея, это змей, который обвился вокруг всего мира. Когда он ворочается, вода вскипает, а земля раскалывается.

— Ты тоже будешь раскалывать землю и будоражить воду, Змееглаз?

— Да, господин, если только ты прикажешь.

Император провел языком по верхней губе.

— Змея в глазу мальчика. В последнее время вокруг столько странностей. Два дня назад... ты видел в небе огненный шар?

— То было доброе знамение.

— Мы сделали все, чтобы все так и думали. Пришлось собрать целый легион гадалек и кудесников, чтобы убедить народ, что это означает благословение нам от Господа.

— Так оно и было, господин.

— Кто знает, что это было. Люди называют кометы грозой королей. Скажу тебе правду, я испугался не на шутку. Но это знамение должно быть добрым, мне кажется. Как думаешь, мы победим?

Змееглаз ничего не ответил. Он догадывался, что императору просто хочется порассуждать вслух о своих опасениях. И от Змееглаза требовалось только слушать, чтобы император